Леонид Андреев

САШКА ЖЕГУЛЁВ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А65

Андреев, Л.
А65 Сашка Жегулёв / Л. Андреев. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 314 с.

ISBN 978-5-521-06494-6

Играя с общепринятыми убеждениями, Андреев смог перевернуть представления о возможностях русской литературы, разрушить «мещанское», косное сознание.

Роман «Сашка Жегулёв» – драматическая история о гимназисте, выбравшем путь революции, пронизанная мотивами возмездия, искупительной жертвы, крестной муки, темой Рока.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-06494-6
© T8RUGRAM, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. САША ПОГОДИН. 5
Золотая чаша 7
Детство Саши 8
Наставник мудрый 15
Дети растут 23
Сны 31
Трудное время 33
Отец 39
Бесталанные 49
Весна 62
Колесников 70
Ночами 82
Дальнейшее об отце 86
Нельзя ждать 93
Господа гимназисты 108
На распутье 114
Душа моя мрачна 118

ЧАСТЬ II. САШКА ЖЕГУЛЕВ 131
Сеятель щедрый 133
Накануне 135
Рябинушка 145
Первая кровь 160
Жегулев 181
Огонь 188
Смерть Петруши 200

Фома Неверный 204
Васька плясать хочет 211
Елена Петровна. 225
Пустые дни 236
Ярость 245
В лесу 249
Бред Колесникова 259
Пробуждение. 265
Любовь и смерть 275
Прощание 286
Смерть Жегулева 294
Эпилог 302

Часть I

Саша Погодин

Золотая чаша

Жаждет любовь утоления, ищут слезы ответных слез. И когда тоскует душа великого народа, — мятется тогда вся жизнь, трепещет всякий дух живой, и чистые сердцем идут на заклание.

Так было и с Сашею Погодиным, юношею красивым и чистым: избрала его жизнь на утоление страстей и мук своих, открыла ему сердце для вещих зовов, которых не слышат другие, и жертвенной кровью его до краев наполнила золотую чашу. Печальный и нежный, любимый всеми за красоту лица и строгость помыслов, был испит он до дна души своей устами жаждущими и умер рано, одинокой и страшной смертью умер он. И был он похоронен вместе со злодеями и убийцами, участь которых добровольно разделил; и нет ему имени доброго, и нет креста на его безвестной могиле.

Кто закроет глаза убийце? До последнего суда остаются открыты они и смотрят в темноту покорно. Кто осмелится закрыть глаза Сашке Жегулеву?

Но мать жива, и мать зовет его:

— Мой нежный Саша.

Детство Саши

Того, что называют ясным детством, кажется, совсем не было у Саши Погодина. Хотя был он ребенком, как и все, но того особого чувства покоя, безгрешности и веселой бодрости, которое связано с началом жизни, не хранила его память. Казалось, не родился он, как другие, а проснулся: заснул старым, грешным, утомленным, а проснулся ребенком; и все позабыл он, что было раньше, но чувство тяжелой усталости и неведомых тревог лежало бременем уже на первых отроческих днях его. Давно, еще в Петербурге, когда был жив отец, подошел Саша к матери и странно-серьезным голосом пожаловался:

— Ах, мамочка, как я устал, если бы ты знала.

— Набегался, вот и устал, — сказала мать: она видела, как Саша с другими детьми только что носился дико по большому казенному двору и визжал от восторга, — поменьше шалить надо, тогда и не будешь уставать. Смотри, как измазался!

— Нет, я не от этого.

— А от чего же? — вот смешной!

— Так. Я так устал! Как же ты не понимаешь: просто так.

Тут Елена Петровна первый раз в жизни, как ей показалось, взглянула сыну в глаза и испугалась: «Умрет он от скарлатины!» — подумала она, так как в эту пору особенно боялась для детей скарлатины. Но эпидемия прошла мимо, и вообще Саша был совершенно здоров, рос крепко и хорошо, как и его младшая сестренка,

нежный и крепкий цветочек на гибком стебельке, — а то темное в глазах, что так ее испугало, осталось навсегда и не уходило. Как и сестренка, Саша был отчаянно и неудержимо смешлив, и отец его, генерал, иногда нарочно пользовался слабостью: вдруг за чаем, когда у Саши полон рот, скажет что-нибудь смешное: Саша крепится, надует щеки, но не хватает сил — брызнет чаем на скатерть и бежит отсмеиваться в соседнюю комнату. Генерал хохочет и дразнит, а Елена Петровна всматривается в глаза вернувшегося Саши и думает: «Ну, конечно, он будет убит на войне» — в это время Сашу как раз отдали, по желанию отца, в кадетский корпус.

И, вероятно, от этого вечного страха, который угнетал ее, она не оставила Сашу в корпусе, когда генерал умер от паралича сердца, немедленно взяла его; подумав же недолго, распродала часть имущества и мебели и уехала на жительство в свой тихий губернский город Н., дорогой ей по воспоминаниям: первые три года замужества она провела здесь, в месте тогдашнего служения Погодина. Женщина она была твердая, умная, и ей казалось, что в мирной и наивной провинции она вернее сохранит сына, нежели в большом, торопливом и развращенном городе.

Приятный, нисколько не изменившийся Н. не обманул надежд и с готовностью покрыл их своей ненарушимой тишиной. Перестал быть страшным и Саша: в своей мирной гимназической одежде, без этих ужасных погон, он стал самым обыкновенным мальчуганом; и от души было приятно смотреть на его большой

пузатый ранец и длинное до пяток ватное пальто. Как это ни странно, но, кажется, ни одна гадалка, ни один прорицатель не могли бы так успокоить Елену Петровну, как это длинное не по росту ватное, точно накрахмаленное пальто; взглянет из окна, как плетется Саша по немощеной улице, еле двигает глубокими галошами, подгибая ватные твердые фалды, и улыбнется: «А я-то боялась... Какие же могут быть ужасы? Вот бы посмотрел генерал!»

Теперь ей казалось, будто и генерал — как она и после смерти называла мужа — разделял ее страхи, хотя в действительности он не дослушал ни одной ее фразы, которая начиналась словами: «Я боюсь, генерал...»

— А ты не бойся! — говорил он строго и отбивал охоту к тем смутным, женским излияниям, в которых страх и есть главное очарование и радость.

Были и еще минуты радостного покоя, тихой уверенности, что жизнь пройдет хорошо и никакие ужасы не коснутся любимого сердца: это когда Саша и сестренка Линочка ссорились из-за переводных картинок или вопроса, большой дождь был или маленький, и бывают ли дожди больше этого. Слыша за перегородкой их взволнованные голоса, мать тихо улыбалась и молилась как будто не вполне в соответствии с моментом: «Господи, сделай, чтобы всегда было так!»

Но ссорились дети очень редко, были нежно влюблены друг в друга, целые дни проводили в тихой влюбленности. Когда-то сильная любовь отца и матери вторично переживала себя в них — но уже лишенная материальности, ставшая лишь отзвуком отдаленным,